

8. Преображенский, Ф. М. Отчет о действиях и занятиях Саратовского статистического комитета за 1880 год / Ф. М. Преображенский // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии: Издание Саратовского статистического комитета. – Саратов. – 1882. – Т. 2 – С.1–164.
9. Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии: Издание Саратовского статистического комитета. – Саратов. – 1881. – Т. 1. – 344+207 с.
10. Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии: Издание Саратовского статистического комитета. – Саратов. – 1882. – Т. 2. – 362+45 с.
11. Хованский, Н. Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования. Минх Александр Николаевич / Н. Ф. Хованский // Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. – Саратов. – 1911. – С. 21–22.

Мининкова Л.В.

«ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ» КАК ПОПУЛЯРНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ ЭПОХИ МОДЕРНА И ЕЕ ЧИТАТЕЛЬ

Одной из существенных особенностей российской пореформенной повседневности стало перемещение людей по территории страны, значительно более активное, чем ранее. Предпосылками для этого стало снятие искусственных препятствий на передвижение, которые имели место в дореформенный период и которые достались в наследство от средневековых сословных ограничений, а также значительно возросшая деловая активность, предполагавшая необходимость поездок для контактов с партнерами, налаживания и укрепления хозяйственных и финансовых связей. Также этому способствовало развитие транспорта, возникновение пассажирского железнодорожного и пароходного сообщения. Поездки, становившиеся частью деловой практики, стали терять признаки путешествия и начинали превращаться в продолжение жизни и деятельности предпринимавшего их лица.

Изменение характера поездок по стране привело к переменам в популярной литературе, описывающей их. Еще в середине XIX в. имело место описание поездок как путешествия через экзотические части России. Такое описание имеется в произведении И. А. Гончарова «Фрегат Паллада», в той части, когда автор-герой высадился на российский берег Охотского моря и проделал путь от этого побережья до Якутска, а затем до Иркутска. Высокохудожественное описание было рассчитано на образованного читателя, интересующегося географией России и осознающего крайнюю сложность для себя самого посмотреть эти очень отдаленные места, которые вызывают его несомненный интерес.

Но уже в последней четверти XIX в. путешествия стали менять свой характер. Все более заметную роль в качестве их побудительного мотива стали служить обстоятельства, вызванные культурой модерна. Это уже не просто интерес к экзотическим частям страны, но цели, соответствующие новой культуре. Так, два российских путешествия на Сахалин на рубеже XIX–XX вв. были совершены А. П. Чеховым и В. Дорошевичем. Для А.П.Чехова поездка была не просто ознакомительной, но несла в себе научную и общественную составляющую, поскольку великий писатель принял участие в первой российской переписи населения 1897 г., переписывая сахалинских каторжников. Он, кроме того, оказывал им как врач медицинскую помощь. Для В. Дорошевича поездка была связана с журналистскими целями, а журналистика становилась в условиях пореформенного развития одной из важнейших отраслей культуры и превращалась в действенный канал связи письменной культуры и печатного слова с широкими слоями населения.

Вместе с тем, насколько прочно бы ни входили описания сахалинских поездок А. П. Чеховым и В. М. Дорошевичем в культуру своего времени, запросы этой новой культуры были более широкими. Они состояли уже не в описаниях поездок и путешествий, но в комплексной характеристике по возможности всей территории страны, на строго научной основе, но в то же время с расчетом на широкий круг заинтересованных и образованных читателей, не обладавших, тем не менее, специальными научными знаниями. С расчетом на удовлетворение подобных культурных запросов, возникавших не только в России, но и в европейских странах, в конце XIX в. начинает формироваться страноведение как отрасль культуры, стоящая на стыке науки и популярной литературы. При этом научная составляющая страноведения включает в себя сведения из разных дисциплин – прежде всего географии, а также истории, экономики, демографии. По вопросу о возможности рассматривать страноведение в качестве научной дисциплины

лины существуют разные точки зрения. Но, во всяком случае, в двух фундаментальных страноведческих проектах, относящихся к России и выполненных под общим руководством П. П. Семенова Тянь-Шанского, «Живописной России» и «России. Полного географического описания нашего отечества», популярная и литературная составляющая преобладают. Такому преобладанию способствует также весьма богатый иллюстративный материал, которыми были снабжены эти многотомные издания.

Первый по времени из этих проектов, «Живописная Россия», была задумана издателем М.О.Вольфом при участии П. П. Семенова в 1878 г. как многотомное издание для широкого круга читателей, содержащее серию очерков по отдельным территориям. Для этого он привлек в состав авторского коллектива известных литераторов, хорошо знавших отдельные территории страны. Так, очерк о донском казачестве в составе части, посвященной Области войска Донского, был написан известным писателем, уроженцем Дона Д. Л. Мордовцевым. Привлекалось также немало ученых, прежде всего географов и историков. Так, очерки о Белорусском Полесье, исторический, природно-географический, и по отдельным губерниям был написан членом Виленской археологической комиссии А. Г. Киркором. С 1879 г. стали выходить в свет первые ее тома. Очерки строились с учетом существовавшего в тот период административного деления государства, поэтому описания давались по губерниям и областям. Но близлежащие административные единицы объединялись в более крупные территории. Такими территориями были, к примеру, Белорусское Полесье или область от Дона до реки Урал. По каждой из таких укрупненных областей в структуре издания имелось несколько очерков. Историко-этнографический очерк содержит исторические сведения и дает этнографические описания с выделением культурных особенностей. Так, по Белорусскому Полесью давались особенности культуры белорусов, литовцев, латышей, поляков, евреев и цыган. По территории между Доном и Уралом – проживавших на ней донских, астраханских и уральских казаков, а также калмыков, часть которых входила в состав донского казачества. После этого следовал очерк, посвященный природным особенностям территории. Наконец, завершающий очерк посвящался отдельным административным единицам, с особым вниманием к городам и другим значительным поселениям, чем-либо выделяющимся по своему историческому, экономическому или культурному значению. В целом в издании удалось достичь взвешенного соотношения между историческим, этнографическим и географическим материалом, в результате чего читатель получал общее представление о территории и ее природе, об обществе и людях, их истории и об основных чертах современного их положения. С учетом того, что в формировавшемся страноведении складывались два подхода, ставивших в центр своего внимания географический фактор как решающий в деятельности человека, и поппулистский, в котором признавалась самостоятельная и творческая роль человека на земле, было заметно, что в очерках «Живописной России» преобладает поппулистский подход. Несколько позже, к началу XX в., такой подход был теоретически обоснован французским географом П. Видаль де ла Блашем, считавшим, что страноведческой характеристикой должен быть прежде всего «образ жизни» людей [3, с. 32]. При таком подходе весьма значительное место получали описания исторические и этнографические.

Что касается исторической части очерков, то в них прослеживается своеобразное сочетание научных сведений по истории с массовыми историческими представлениями в обществе, вовсе не научными. Так, в очерке Д. Л. Мордовцева о донских казаках, с одной стороны, кратко раскрываются в соответствии с положениями современной исторической науки экономические и социальные предпосылки формирования казачества на Дону. Обращено внимание на тяжесть для народа внутренних русских уездов. Такие условия, как «кабальная зависимость», которая соединялась с «неограниченным произволом всяких судей, тиунов, целовальников, приказных и подьячих» заставляла «многих из московских людей идти из своей родной земли», причем «преимущественно на Дон» [2, с. 17]. Это положение имеет научную основу и согласуется с данными источников. Но несколько ранее он заявлял, что само начало казачества «неуловимо для истории». Особо подчеркивал Д.Л.Мордовцев сословную рознь, исторически сложившуюся на Дону в отношениях между казаками и крестьянами, и вообще прибывшим из внутренней России населением. Он писал, что даже самый небогатый казак, который у своего богатого соседа-казака «мог быть и сторожем, и свинопасом», «считал себя выше не только "крестьянина", "мужика", но и всякого русского купца – "кацапа" или "музлана"» [2, с.25]. Замечено было справедливо. По мере того, как доля казачьего населения на Дону постепенно сокращалась,

рознь на почве земельного довольствия казаков и нехватки земли у крестьян нарастала. Но Мордовцев справедливо указал также на тяжесть воинского уклада для самих казаков, на несоответствие его материальным интересам значительной части казачества, на тяжесть труда казачки как следствия отвлечения на службу значительной части казаков. Следствием этого был низкий уровень хозяйства, слабая доходность промыслов. Отсюда он делал вывод, что «казачество, как известная стадия исторического хода общества, представляется одною из вымирающих форм жизни», и вообще, «чем скорее завершится полное вымирание, тем лучше» [2, с. 31].

Таким образом, помимо природы, истории и культуры Дона, Д.Л. Мордовцев указывал на некоторые существенные проблемы внутренней жизни Дона. То же самое показывал А.Г. Киркор при описаниях Белорусского Полесья и Витебской губернии. В жизни обширного края происходили перемены, при устойчивости, как он подчеркивал, традиционных основ быта разных этнокультурных слоев населения. «Белорусс, – подчеркивал он, – любит суровую жизнь, жизнь полудикую, как природа, его окружающая. Есть деревни, в коих нет пахотной земли, одни огороды. Жители их исключительно заняты заготовлением лесных материалов, постройкой барок и байдаков» [1, с. 283]. Живые следы старины сохранял белорусский фольклор. В нем, подчеркивал А. Г. Киркор, «главное содержание, и, большею частью, даже самые выражения несомненно относятся ко временам язычества» [1, с. 251]. В качестве особенности внутренней жизни в Витебской губернии и по всему Белорусскому Полесью А. Г. Киркор показал значительное польское влияние. «В Белоруссии дворянское сословие состоит большею частью из туземцев, но с течением веков и политических событий усвоивших польский язык и польскую национальность» [1, с. 284], – указывал он, и не случайно поэтому в Витебске во время пребывания Наполеона дворянство «всецело предалось ему» [1, с. 311]. Вместе с тем он показал, насколько решительно стремились русские власти покончить с культурно-историческими особенностями в белорусских губерниях после Польского восстания 1830–1831 гг. и проводить русификацию. В 1831 г. были упразднены особенности самоуправления, присутственным местам и должностным лицам присваивались общерусские наименования, а суд стал вестись на русском языке.

К важнейшим особенностям современной жизни А. Г. Киркор отнес контраст между развивавшимся под воздействием пореформенной модернизации Витебском и Полоцком как своего рода музеем раннесредневековой Руси. По его словам, «Витебск постепенно улучшается», растет население, развивается торговля благодаря положению «между Москвою, Ригою и Одесою» [1, с. 386]. В Полоцке же «самый наружный вид города, ясно говорит, что это только остатки древнего величия и славы» [1, с. 393].

Таким образом, читатель получал общие сведения о стране и об отдельных ее территориях. В этой связи название серии – «Живописная Россия» – представляется удачным не только благодаря наличию в ней многочисленных иллюстраций в виде живописи, посвященной разным сторонам, настоящего и прошлого, жизни и быта этих территорий, но и благодаря живому и совершенно ясному языку, что видно из очерков Д. Л. Мордовцева и А. Г. Киркора. Известно, однако, что создателем популярного текста, который, в частности, представляет собой вся «Живописная Россия», является не только автор, но и читатель, на которого она рассчитана. Поэтому «Живописная Россия» также источник, позволяющий представить культурный уровень и потребность читателя пореформенной России в знаниях о стране.

1. Живописная Россия. – СПб. : Изд. товарищества М.О.Вольф, 1882. Т.3. – 410; V с.: ил.
2. Живописная Россия. – СПб. : Изд. товарищества М. О. Вольф, 1899. Т. 7. Ч. 2. – 304; III с.: ил.
3. Машбиц, Я. Г. Основы страноведения / Я. Г. Машбиц. – М. : Просвещение, 1999. – 267 с.

Воробьев В.М. ВЕРХНЕЕ ПОДВИНЬЕ В КНИГЕ А.П. САПУНОВА «РЕКА ЗАПАДНАЯ ДВИНА»

В авторском предисловии к своей знаменитой книге А.П. Сапунов замечает, что в ней «главное, а иногда и исключительное внимание... обращалось на Витебскую губернию; другие губернии, по которым протекает Двина, стоят на втором плане» [1, с. II].